

— Фью-фью-фью! — три раза свистит птица.

Юноша Лимонов вздыхает и нехотя открывает глаза. Узкую комнату заливает проникшее с площади Тевелева через большое окно желтое, как расплавленный маргарин, солнце. Разрисованные друзьями-художниками стены привычно радуют проснувшегося молодого человека. Успокоившись, молодой человек закрывает глаза.

— Фью-фью-фью! — опять включается птица и прибавляет рассерженным шепотом: — Эд!

Молодой человек сбрасывает с себя одеяло, встает, открывает окно и глядит вниз. Под окном у низкой ограды зеленого сквера стоит его друг Геночка Великолепный, одетый в ярко-синий костюм, и, задрав голову, улыбается ему.

— Спишь, сукин сын? Спускайся!

За великолепным Геночкой на изумрудной траве расположилась компания цыган и завтракает арбузами и хлебом, разложив их на ярких платках, как на скатертях.

— Спускайся, спускайся, день хороший! — присоединяется к Геночке молодая цыганка и даже манит юношу в окне рукою.

Юноша, приложив палец к губам, указывает на соседние окна и, согласно наклоняя голову, шепчет:

— Сейчас! — Затворяет окно и, осторожно подойдя к двустворчатой двери, ведущей в соседнюю комнату, прислушивается.

Шуршание и несколько вздохов доносятся до него, и запахом табака тянет из-под двери. Теща, вне всякого сомнения, сидит в утренней своей классической позе, с распущенными по плечам седыми волосами, у зеркала и курит папиросу. Кажется, Циля Яковлевна не услышала

мгновенных переговоров зятя с Геннадием Великолепным, ее самым страшным врагом. Сейчас, юноша знает, следует действовать быстро и решительно.

Вынув из книжного шкафа, нижняя часть которого переделана в шифоньер, свою гордость — костюм цвета какао с золотой искрой, пробивающейся по ткани, юноша спешно натягивает брюки, розовую рубашку и пиджак. В изголовье кровати стоит ломберный стол, а на нем в беспорядке карандаши, ручки, бумаги, недопитая бутылка вина, раскрытая тетрадь. С некоторым сожалением поглядев на недописанное стихотворение, юноша закрывает самодельную тетрадку и, сдвинув крышку стола, достает из ящика несколько пятирублевых бумажек. Тетрадь он кладет в ящик и задвигает его крышкой. Стихи подождут до вечера. Взяв в руки туфли, он осторожно открывает дверь в темную прихожую. Ощупью, не зажигая света, проходит мимо двери Анисимовой и осторожно вставляет ключ в замок двери, ведущей прочь из квартиры на свободу...

— Эдуард, вы куда? — Циля Яковлевна услышала-таки металлический лязг ключа в замке или интуитивно учуяла убегающего зятя, вышла из своей комнаты и стоит теперь, осветив прихожую, в классической позе номер два. Одна рука покоится на бедре, другая — с дымящейся папиросой — у рта, седые, но пышные и длинные, до талии, волосы распущены, породистое лицо разгневанно обращено к непутевому зятю. Русскому зятю младшей дочери. — Вы опять идете встречаться с Геной, Эдуард? Не отпирайтесь, я знаю! Не забудьте, что вы сегодня обещали закончить брюки для Цинцыпера... Если вы встретитесь с Геной, вы загуляете...

Циля Яковлевна Рубинштейн — воспитанная женщина. Ей неудобно сказать русскому молодому человеку, с которым живет ее дочь, что если он встретится с Геной, он опять напьется до свинства, и, может быть, как последний раз, его принесут домой приятели.

— Что вы, Циля Яковлевна... Я только спущусь за нитками... и обратно... — лжет коротко остриженный и слегка опухший поэт и стеснительно опускает на пол туфли. Всовывает в туфли ступни и выскальзывает за дверь, в длинный коридор, уставленный с обеих сторон кухонными столами, электроплитками и керогазами.

Отгороженное отдельное купе с кухней и туалетом — приоритет всего трех семей, остальным жителям старого дома номер 19 на площади Тевелева кухней служит коридор, а туалет у них общий. Пробежав сквозь строй столов и вдохнув поочередно запахи дюжины будущих обедов, поэт достигает другого конца коридора и уже скачет через три ступеньки по лестнице, ведущей вниз.

— Не забудьте о Цинцыпере! — доносится до него беспомощный призыв Циля Яковлевны.

Поэт улыбается. Вот имя-то Бог дал человеку! Цинцыпер! Черт знает что такое, а не имя. Целых два «ц» в нем плюс совершенно непристойно звучащее «ыпер»!

Геночка ждет поэта у выхода из подъезда на Бурсацком спуске. В руке у Геночки чемодан.

— Сколько у тебя денег? — спрашивает Великолепный вместо приветствия.

— Пятнадцать.

— Пойдем быстрее, а то у меня очередь пропадет.

Геннадий и поэт торопливо шагают вниз по Бурсацкому спуску и, дойдя до первого угла, сворачивают налево. К ломбарду.

Тени на улице тяжелые и темно-синие. Солнце — желтое, как густая, начинающая стягиваться пленкой масляная краска. Даже не поднимая глаз от асфальта, можно понять, что в Харькове август.

Уже за несколько десятков метров от массивного, похожего на крепость старого кирпичного здания друзей обдает крутым и крепким запахом нафталина. За сто лет

учреждение пронафталинило собой квартал, и кажется, даже старые белые акации в этой части улицы пахнут нафталином. Торопясь, друзья взбегают по старым выщербленным ступеням и вбегают в зал. В зале холодно, высоко и просторно, как в храме. Протискиваясь между стариками и старушками, определяются в одну из очередей, ведущую к зарешеченному окошку. Старики и старушки удивленно рассматривают молодых людей. Молодые люди в харьковском ломбарде, по-видимому, бывают нечасто. Поэт, однако, уже был в ломбарде с десятков раз. С Геночкой.

— Что там у тебя? — спрашивает поэт приятеля.

— Болоньи отца и матери, костюм отца, две пары золотых часов, — перечисляет Геночка улыбаясь. Улыбочка у него особая: злая и аккуратная.

— Влетит вам, Геннадий Сергеевич!

— Это уж не ваша забота, Эдуард Вениаминович! — парирует Геночка. Однако, очевидно, решив, что приятель заслуживает комментария, добавляет: — Они уехали отдыхать. На месяц. И оставили мне только двести рублей. Я их предупредил, что мне этих денег не хватит. Вот приедут — расплатятся за несправедливость, совершенную по отношению к единственному сыну.

Геночка часто сдает в ломбард вещи, свои и родительские. Он изобрел этот способ добычи денег еще до того, как познакомился с поэтом Эдуардом. Вещи всякий раз Геночкин отец выкупает. Папа Сергей Сергеевич Гончаренко любит своего красивого, статного, голубоглазого сына. Хотя папу волнует полное равнодушие сына к какому-либо виду человеческой деятельности, кроме поисков приключений и посещения ресторанов, и волнует все более сейчас, когда Геннадию исполнилось 22 года, он ему прощает и ломбарды, и даже худшие вещи. Неудачную женитьбу, например. Папа, а не Геночка, платит алименты бывшей жене и сыну Геннадия — своему внуку. Папа Сергей Сергеевич — директор

самого крупного в Харькове ресторана «Кристалл» и ресторанного треста того же имени, объединяющего множество других «торговых точек».

Геночка, не утруждая себя выниманием вещей из чемодана, просовывает под приветливо поднявшуюся решетку чемодан и нетерпеливо постукивает каблуком по выложенному керамическими плитками полу. В ломбарде младшего Гончаренко хорошо знают, и потому операция не занимает много времени. Через десять минут друзья уже спокойно спускаются на пахнущую нафталином и акацией улицу. Геночка удовлетворенно вставляет в черной кожи бумажник полученные шестьдесят рублей. И брезгливо, в другое отделение, — квитанцию.

— Ну, куда пойдём?

2

Они перелезают через каменный забор, отделяющий парк имени Тараса Григорьевича Шевченко от харьковского зоопарка. Собственно, можно было бы спокойно купить билеты, всего рубль двадцать на брата, но юноши считают делом чести не заплатить за вход на «свою» территорию. Зоопарк — традиционное место времяпрепровождения для Эда и Генки, так же как и для всех остальных членов «СС» — разболтанного содружества молодых людей более или менее одинакового возраста, группирующихся вокруг Геночки Великолепного. Другие члены «СС» — художник Вагрич Бахчанян, «француз» Поль Шемметов, «фриц» Викторушка, Фима по кличке «Собак». Каждый из членов «СС» отличается чем-нибудь необыкновенным.

«СС» никак нельзя назвать обычной компанией молодых людей...

Августовское солнце в Харькове — беспощадно. Однако ребята в костюмах — денди-стиль, введенный Геннадием и охотно поддержанный вчерашним рабочим литейного цеха, а ныне — поэтом Эдом. Привычно переметнувшись через утыканный стеклами хребет забора, ребята приземляются в джунглях зоопарка и, лавируя между гигантскими кустами бурьяна и лопухов, орешником и другой августовской буйно-стью, по одним им ведомым тропинкам спускаются в овраг, проходят мимо старого дуба, растущего на самом дне оврага, и поднимаются из оврага уже возле «харчевни». Старые ее бока, когда-то окрашенные красной краской, но вылинявшие до рыжей желтизны, приветливо возвышаются им навстречу. Туфли юношей в пыльце буйно пачкающихся в августе многолетних украинских трав, тяжело оплодотворяющих грубые и мощные украинские травы противоположного пола. У Геннадия в руке сверток с бутылками. Водка. В «харчевне» официально не продаются спиртные напитки.

Карабкаясь вслед за другом по тропинке, Эд вытирает лицо платком. Время от времени их догоняет густое облако мошки, стараясь высосать как можно больше миллиграммов крови из непрерывно передвигающейся добычи. Гена и Эд активно машут руками, сигаретами, которые они курят, и отражают набег. Обливаясь потом, но невозмутимые, они выбирают на поверхность и заходят по узкой тропинке между тщательно высаженными цветами во фронт «харчевни». Как бы приветствуя их прибытие, из глубин зоопарка раздается рык тигра.

— Джульбарс, — определяет поэт.

— Султан, — не соглашается Гена.

На открытой веранде «харчевни», одинокая, что-то делает со стульями официантка тетя Дуся. Крупной женщине с вульгарным, красивым лицом лет 30, но все равно «тетя».

— Ой, хто пришел! Геночка пришел! — радостно восклицает она.

Еще бы Дусе не радоваться. Денди Геннадий всегда оставляет ей такие чаевые, каких, Эд уверен, не собирается у нее за неделю подачи посетителям зоопарка яичниц, колбас с горошком, «киевских» и цыплят табака.

— Дуся, положите, пожалуйста, это в холодильник!

Генка, подражая отцу, бывшему полковнику КГБ, директору треста, обращается ко всем на «вы». Это его особый шик. И Генка не ругается, что выгодно отличает его от многих других приятелей Эда, сквернословящих направо и налево.

— Эдуарда Лимонова вы, безусловно, знаете, Дуся? — Генка с некоторой долей иронии смотрит на Эда.

— Да твой друг же был с тобой у нас, Геночка...

— Безусловно, Дуся... но с тех пор он сменил фамилию. Запомните, пожалуйста, — «Эдуард Лимонов»...

Фамилии Савенко Эдуард не менял. Просто «СС» и еще несколько ребят — Ленька Иванов, поэт Мотрич, Толя Мелехов — играли как-то от безделья (сидя у Анны и Эда в комнате) в литературную игру и придумали, что они живут в Харькове начала 20-го века, что они поэты и художники-символисты. И Вагрич Бахчанян предложил, чтобы все придумали себе соответствующие фамилии. Ленька Иванов назвал себя Одеялов. Мелехов стал Буханкиным. А Эда Бахчанян предложил назвать Лимоновым. Игра закончилась, они разошлись по домам, но на следующий день, представляя Эда в «Автомате» приятелю-художнику из газеты «Ленинська змина», Бахчанян назвал его «Лимонов». И упорно продолжает называть его так. И Генка полюбил прозвище «Лимонов». Все молодые декаденты, появляющиеся в «Автомате», называют теперь Эда Лимоновым. Кличка прилипла, и даже Эдом Эдуарда Савенко называют все реже. Осталось — Лимонов. Вот от Леньки Иванова

Одеялов — отлипло, Мелехова никто не называет Буханкиным, а он — Лимонов. Впрочем, по непонятным ему самому причинам Эду тоже нравится Лимонов. Его настоящая, очень уж обыкновенная украинская фамилия Савенко его всегда удручала. Пусть будет Лимонов.

Юноши усаживаются за стол на веранде таким образом, чтобы видеть пруд с плавающими по нему лебедями и утками. «Харчевня», безусловно, самый живописный ресторанчик в Харькове, посему Генка и выбрал его в качестве штаб-квартиры. От пруда несет чуть-чуть затхлой водой. Два рабочих лениво тащат шланг и так же лениво принимают опрыскивать тяжелые цветы.

— Ну, чем будем закусывать, товарищ Лимонов? — Генка снимает пиджак и вешает его на спинку стула. Закатывает рукава безукоризненно белой рубашки и облегчает узел галстука.

— Может быть, цыплятами? — В голосе поэта слышна неуверенность. Он привык полагаться в этих вопросах на куда более светского, уверенного и опытного Геннадия.

— Дуся, что у вас сегодня хорошего? — обращается Генка к вновь возникшей на веранде тете Дусе.

— Ой, Геночка... еще ж рано как... — Дуся жалобно морщит лицо. — Повар еще не прийшов, мы ж в двенадцать открываемся. Могу вам пока легкую закусочку и, если желаете, яишненку с колбаской сделать. Придет повар — приготовит «киевские».

Долго и истошно вдруг кричит павлин, и, как по сигналу, кричит, мычит и воет весь зоопарк.

— Ну как, Эд, будем яичницу с колбасой?

— Будем.

— Дуся, сделайте нам по глазунье с колбасой. Каждому из шести яиц. Не на масле, но на сале, как я люблю. Подайте на сковородках. И побольше овощей, пожалуйста. Помидоры, огурцы...

— Малосоленных огурчиков хотите, ребятки?

— Обязательно, Дуся, огурчиков. И пару бутылок холодного лимонаду. Запивать.

— Водочку я вам в графинчик налью, хорошо? — заглядывает Дуся в лицо Геннадия.

— Спасибо, не нужно. Теплая будет. Принесите нам сейчас по фужеру, а бутылку поставьте, пожалуйста, опять в лед, Дуся.

Официантка уходит с веранды.

— Чудесно, а, Эд? — Гена любовным взглядом оглядывает пруд. Сразу за прудом — вольтер с павлинами. Вдалеке темнеет между клетками туша слона. Порыв ветра приносит вдруг на веранду запах навоза и тошнотавый запах какого-то мускусного зверя. — Великолепно!

Красивое лицо Геночки озарено спокойным восторгом. Он ищет в жизни именно этого — красивый пейзаж, холодная водка, беседа с другом. Даже женщины для Геннадия второстепенны. Вот уже год, как в его жизни появилась красивая Нонна, которую Генка, по всей видимости, любит, но и Нонна не смогла отвлечь его от загулов в компании ребят из «СС», от поездок в загородный ресторанчик, называемый «Монте-Карло», от флиртования с Эдом по Сумской, от удовольствий бездельного времяпрепровождения. Эд Лимонов с удовольствием смотрит на своего странного друга. В Генке, кажется, нет абсолютно никаких амбиций. Он сам признавался не раз, что не хочет быть ни поэтом, как Мотрич и Эд, ни художником, как Бахчанян.

— Вы рисуйте, пишите стихи, а я буду радоваться вашим успехам! — смеется Генка.

Циля Яковлевна и Анна считают Геннадия Гончаренко злым гением Эда, считают, что он спаивает Эда и уводит от Анны, но это их утверждение объясняется, разумеется же, ревностью. Правда, конечно, что Эд иной раз

пропивает вместе с Генкой деньги, заработанные им шитьем брюк. Редко. Но не может же он пить на Генкины деньги все время. В любом случае мизерные десятки, двадцатки, пропиваемые им с Генкой, не идут ни в какое сравнение с суммами, которые тратит Генка. И слово «пропивать» как-то не вяжется со стилем Великолепного Геннадия Сергеевича. В последний раз, когда они поехали кутить в «Монте-Карло» — загородный ресторанчик в Песочине, место загулов харьковских номенклатурных работников и кагебистов, — Генка ехал в одном такси впереди, показывая дорогу, за ним катил Эд в другом такси, а еще сзади ехало пустое такси, которое Генка нанял просто так, для шика, чтоб образовать кавалькаду. В «Монте-Карло» в свое время, до язвы желудка, гулял Сергей Сергеевич, Генка унаследовал место от отца, персонал прекрасно знает Геннадия Сергеевича и всегда предоставляет ему отдельный кабинет. До встречи с Генкой Эд читал об отдельных кабинетах только в книгах. В «Монте-Карло» под окнами отдельного кабинета бродят цыплята, и можно указать на понравившего тебе цыпленка, и из него тебе сделают табака. Парадокс «Монте-Карло» заключается в том, что в общем зале ресторана обедают шоферы больших грузовиков. Рядом — крупнейшая автострада. А в кабинетах происходит сладкая жизнь...

Тетя Дуся приносит им закуски, водку, лимонад и каждому — пылающую и шипящую сковородку с яичницей. Генка с удовлетворением оглядывает яркий стол. Одной рукой он поднимает фужер с водкой, в другой у него стакан с лимонадом.

— Ну, будем, Эд! Выпьем за великолепный августовский день и за животных нашего любимого зоосада!

— Будем! — подтверждает Эд, и они опрокидывают жгучий напиток в себя. И тотчас же запивают его лимонадом. И хватают по огурцу, и, обжигаясь, едят яичницу...

— Ну как, Эд, досталось тебе вчера от Циля Яковлевны? — Генка решил перекурить и оторвался для этого от недоеденной яичницы.

— Ей-богу, ни хуя не помню! — Поэт смеется. — Помню, как ты высадил меня у подъезда из такси, я взялся за ручку двери, и все... как провалился, ничего не помню. Сколько времени было? Часа два?

— Ну какой два... От силы час. Детское время еще было. Рано ты что-то вчера отключился. А мы с Фимой поехали еще в аэропорт допивать...

— Вовсе и не отключился, — обижается поэт. — Я предыдущую ночь совсем не спал, писал до рассвета. Ну, разумеется, после бессонной ночи устанешь. Ты сам-то ведь даже блевал вчера!

— Я часто блюю, — спокойно соглашается Генка. — Так римляне поступали. В процессе оргий. Поблюют и дальше пьют и едят.

— Меня Циля таки поймала у самой двери. «Вы куда, — говорит, — Эдуард?»

— А вы ей что, Эдуард Вениаминович?

— «За нитками, Циля Яковлевна, иду в магазин». А у самого туфли в руке. Хотел слинять неслышно.

— За нитками! — хохочет Генка. — Ниточки пошел купить Лимонов...

— Циля мне, конечно, не поверила. Но, как женщина интеллигентная, не спросила русского зятя: «А почему у вас, пьяница, туфли в руках, если вы идете за нитками? В походе за нитками никакого криминала нет...»

— Ей стыдно уличать тебя во лжи. Вот что такое воспитание и образование. Русская бы теща разоралась на весь дом и оторвала тебе рукав, втаскивая тебя обратно. Хорошо все же, Лимонов, что ты живешь в еврейской семье... А Анна?

— Вчера Анна спала и носом свистела. Только и сказала, открыв глаза: «Опять с Генкой напился, алкоголик

проклятый!» — и уснула опять. Сегодня я спал, когда она уходила.

— Нужно Анне какой-нибудь подарок сделать, — морщится Генка. — Или вот что, Эд, давай подьем к шести к киоску и заберем ее, пойдем все вместе в «Люкс», посидим?

— Можно, — не очень охотно соглашается Эд.

— Дуся, пожалуйста, еще по фужеру, — приказывает Генка. — Эд, к нам направляются первые представители козьего племени, совершившие уже утренний обход зоопарка.

К «харчевне» идет семья. Двое детей — мальчики лет десяти — несмотря на жару одеты в темно-синие шерстяные брюки. Брюки слишком длинны, манжеты, волочащиеся по земле, серы от пыли. Мать — корявого телосложения, неожиданно пожилая для такого возраста детей женщина, руки и ноги неловко торчат из слишком узкого и короткого платья в большие бело-синие горошины. Отец — явно рабочий одного из многочисленных харьковских заводов — искусственного шелка желтая рубашка и черные брюки, сандалии на босу ногу, несет в руке авоську, а в ней нечто, прикрытое рваными и почему-то мокрыми газетами.

Угрюмые дети первыми поднимаются по ступенькам. За ними мать. Дав им взобраться на веранду, отец вступил ногой на первую ступеньку; Генка встает и, оправив галстук, принимает суровый вид: «Товарищи, товарищи... Вход воспрещен! Ресторан закрыт для публики. Сегодня у нас состоится всесоюзное совещание дрессировщиков бенгальских тигров. Вход только по приглашительным билетам!»

Семья безмолвно и покорно уходит, волоча за собой авоську. Эду даже становится жалко семейство козьего племени.

— Зачем ты их так? — обращается он к другу. — Ну, выпили бы они лимонаду, сжевали бы свои бутерброды и свалили...

— Шуму от козьего племени очень много, Эд. Ты обратил внимание на детишек? Как старички. Можешь себе представить, как бы они жрали, чавкая?

— Всех не разгонишь... Сейчас еще кто-нибудь появится.

— Дуся, будьте добры, поставьте на все столики на нашей стороне веранды таблички «Резервирован».

— Ох, Геночка, да у нас же нет таких табличек! — сокрушается Дуся.

Из-под ног у нее внезапно выпрыгивает большой зеленый кузнечик и приземляется на соседнем столе. Деревня, какие тут таблички. Туалета нет, посетители бегают в овраг.

— В таком случае, напишите на листках бумаги «Зарезервирован» и положите на каждый стол. Разумеется, ваш труд будет оплачен.

Дуся уходит выполнять приказание. Ее покорность объясняется не только тем обстоятельством, что Геночка отвешивает ей, уходя, пятерку, а то и десятку, но и тем, что ресторанчик в зоопарке принадлежит непосредственно к ресторанной сети папы Сергей Сергеевича, а в своей сети папа — царь и бог. Правда и то, что папа строго запрещает Геннадию использовать его служебное положение в личных целях, но властолюбивый Генка не может устоять против соблазна «использовать в целях». Власть — вот что любит Генка, внезапно понимает Эд. Власть — Генкина амбиция. У Генки замашки герцога и не меньший размах.

— Генка, почему бы тебе не вступить в партию и не стать большим человеком — секретарем райкома, скажем?

— Шутишь, да, Эд? Это, бля, жуткая скука — делать карьеру коммуниста. Хватит того, что мой папаша угробил полжизни, разгуливая на коленях.

Даже то, что Генка выругался, свидетельствует о его отращении к карьере коммуниста. К идеологиям Генка равнодушен, политических взглядов у Генки нет. Генка ищет в жизни «кайф» — удовольствие, приключения, романтику.

А какой кайф в протирании штанов на партийных стульях? Любимый Генкин фильм — «Искатели приключений» с Аленом Делоном и Лино Вентурой в главных ролях. Вот что любит Генка — поиски сокровищ, перестрелки, дорогие рестораны, хрусталь, коньяк, свечи, шампанское... Эд помнит расширенные зрачки Генки после фильма. Они смотрели «Искателей приключений» втроем — Генка, красивая, как Генка, Нонна и Эд. Генка не хуже Алена Делона выглядит, «красавчик» — называет его Бахчанян. Блондин, метр восемьдесят росту, светло-голубые глаза, прямой нос, благородная осанка. После фильма «Искатели приключений» они пили и гуляли несколько дней и были арестованы ночью на взлетной площадке харьковского аэропорта при попытке проникнуть в транспортный самолет. Чего они хотели от самолета, навсегда осталось загадкой. Фильм «Искатели приключений», впрочем, начинается с того, что Ален Делон пролетает под Триумфальной аркой.

— Будем, Эд!

— Будем, Генка! — Эд любовно смотрит на друга.

3

— Пьют, негодяи!

Анна Моисеевна появилась в момент, когда Дуся в очередной раз наполняла юношам фужеры. Она стоит у веранды в траве, яркие глаза ее сердиты. Крупное тело затянута в крепдешинное платье — зелено-черно-белые цветы на теле Анны Моисеевны. В руке у Анны сумочка. Полуседые волосы завернуты в высокий шиньон. Чуть вздернутый нос придает ее красивому лицу задиристое выражение.

— Ганна Мусиевна! — Гуляки дружно встают. — Идите к нам, Ганна Мусиевна, и съешьте с нами киевскую котлетку!

— Негодяи! Как вам не стыдно! С самого утра жрете водку... — фыркает Анна, но обходит по периметру веранду и поднимается по лестнице.

Несколько представителей пролетариата, все-таки проравшиеся на веранду, с любопытством смотрят на происходящее.

— Подлец, обманул опять Цилю Яковлевну — бедную еврейскую женщину! «Он пошел за нитками!» Простодушная Циля Яковлевна — дитя другой эпохи, ангел, на котором женился мой папа... Циля Яковлевна не знает, что такое ложь! Она простодушно поверила этому чудовищу! «За нитками он пошел!»

— Ну ударь меня! Дай мне пощечину, Анна! — Поэт театрально поворачивается к подруге в профиль и подставляет щеку.

Геннадий Сергеевич становится изысканно любезен.

— Простите нас, Ганна Мусиевна, ради бога, и соблаговолите разделить с нами нашу скромную трапезу! — Генка берет руку Анны Моисеевны и целует ее. Затем, не отпуская ее руки, другой рукой отодвигает стул и чуть пригибает Анну к стулу. Все еще сердитая, она садится.

— Дуся, пожалуйста, прибор для Анны Моисеевны... Анна Моисеевна, это я виноват в том, что ваш супруг находится здесь. Почувствовав себя одиноко и депрессивно сегодняшним утром, я обманом выманил Эда из семьи, преследуя исключительно личную и эгоистическую цель успокоения своей души...

— Бедная еврейская женщина... — Анна Моисеевна заводит обычный монолог-речитатив, по видимости, не реагируя на реплики Генки и поэта. — Я прибежала домой... в доме нет ни крошки... «Эдуард вышел

за нитками», — растерянно объявила мама Циля... «Ушел в девять часов, мама! — сказала я. — Сейчас одиннадцатый час. Он напился, мама!» — «Но, может быть, он еще вернется?!» — робко заметила верящая в тебя Циля Яковлевна. — Анна гневно посмотрела на поэта.

Тот покорно наклонил голову, а Генка показал ему глазами и руками: «Терпи. Дай ей выговориться».

— Ты не оставил бедной еврейской женщине и рубля на еду, негодяй! — продолжает Анна. — Между тем мы прожили всю ее пенсию. У меня сейчас нет денег. Ты отлично знаешь, что я ничего не получила в аванс... После ревизии обнаружилась гигантская недостача, Геннадий, — апеллирует Анна к Генке. Генка сочувственно кивает. — Была надежда на то, что молодой негодяй закончит сегодня брюки Цинцыпера и получит десять рублей, и Циля Яковлевна спустится на Благовещенский рынок и купит еды... а молодой негодяй сбежал...

— Ганна Мусиевна, — торопится Генка, пока Анна собирает силы для очередного куска монолога, — пожалуйста, согласитесь принять от меня скромное приношение. — Он достает из бумажника десятку и двигает ее к Анне.

— Нам не нужны ваши деньги, Геннадий Сергеевич! — гордо объявляет Анна, но смотрит на десятку заинтересованно.

— Возьмите, Ганна Мусиевна! Это ведь я сманил Эда к природе от брюк Цинцыпера... Следовательно, я плачу неустойку.

— А что? — Анна Моисеевна вопросительно глядит на поэта. — А что, и возьму... Ведь нам есть нечего. В доме нет ни крошки...

— Не смей... — шипит поэт.

Он проклинает себя за то, что забыл оставить Циле Яковлевне хотя бы пятерку из пятнадцати рублей, которые у него остались. Теперь Анна имеет право читать ему мораль и называть молодым негодяем. Вообще-то Анна побаивается

своего молодого поэта, хотя она и старше его на шесть лет. А уж весу в ней, может, вдвое больше, чем в поэте.

— Возьму! Вы все равно пропьете! — При помощи ловкого движения десятка оказывается в руке Анны Моисеевны и затем исчезает в ее сумочке.

— Выпейте, Анна Моисеевна, водчонки! — Генка сам наливает Анне из оставленной на сей раз Дусей бутылки «Столичной». — Выпейте и забудьте заботы.

Анна не выдерживает и улыбается.

— Негодяи, вы третий день пьете! И ни разу не вспомнили о бедной еврейской женщине, томящейся в газетном киоске. Хоть бы раз зашли в перерыв и пригласили еврейскую женщину в ресторан. — Анна выпивает водку осторожно и морщась, не так, как поэт и Генка.

— А как же вы нас нашли, Анна Моисеевна? — Генка не скрывает своего удовольствия и восхищения. Он любит, чтобы что-то происходило. Им уже стало немножко скучно трепаться вдвоем, и теперь вот, пожалуйста, неожиданное явление Анны Моисеевны.

— Генулик! — Анна смотрит на Генку с нескрываемым снисхождением. — Вас и молодого негодяя в единственном на весь город какао-костюме с золотой ниткой все знают. Во-первых, я зашла в «Театральный», и мне сказали, что вас видели утром идущих вверх по Сумской. Я зашла в «Люкс», и вас там не было. В «Трех мушкетерах» тоже не было. Я обещала все ваши места, и в «Автомате» Марк сказал мне, что молодой негодяй в вашей компании, Геннадий Сергеевич, углубился в парк Шевченко... Куда могут идти такие люди, как вы, в такое время года, когда природа вся раскрылась до невозможности, и каштаны созревают, и цветы пахнут, и мир делает любовь бесконечное количество раз? — спросила я себя. — Анна Моисеевна вздохнула. Пышные выражения — ее слабость. Очень часто она еще сдобривает свою речь строчками живых и умерших поэтов. — Такие люди,

как Генулик и молодой негодяй, могут пойти только в харчевню к Дусе, — сказала я себе и прибежала сюда. — Анна Моисеевна остановилась, довольная собой. — И вот, пожалуйста, — я здесь. На работу я не пойду! — объявила она, посмотрев на свои часики. — Ни за что! — подчеркнула она и вызывающе посмотрела на «мужа». — Скажу, что заболела.

— Вы можете устроиться Шерлок Холмсом в КГБ, Анна Моисеевна, — одобрил Генка. — Вполне свободно.

— Ленька Иванов утверждает, что Шерлок Холмс был кокаинистом. Что в перерывах между расследованиями он нюхал кокаин... — сообщает поэт, выпив свою водку.

— Ленька Иванов — мишугэн, — авторитетно заявляет Анна. — Его и из армии комиссовали именно потому, что он мишугэн.

— Ничего подобного. Ленька сам хотел свалить из армии. Когда Ленька уже сержантом приезжал в отпуск, Викторушка его научил, что сделать. Самое умное — косить на шизу. Виктор рассказал Леньке, как он сам комиссовался. И Ленька, вернувшись в часть, проделал то же самое. Во время обеда ворвался в кухню, надел котелок с кашей себе на голову, котлетки воткнул под сержантские погоны и в таком виде выбежал в зал столовой... А в другой раз он ворвался в клуб, где солдаты смотрели фильм, и сорвал со стены экран... Но все это только для того, чтобы свалить домой, вообще-то Ленька здоровее нас с Генкой, — заключает Эд апологию Иванова.

— Я думаю, Эд, Анна права. Ленчик Иванов все-таки шиза, — не соглашается Генка. — Не буйный, но достаточно безумный. Ты замечал, какой у него взгляд?

— Ой, а кто здоровый? Ганна Мусиевна здоровая?! — Поэт презрительно смеется.

— Я пыталась покончить с собой только один раз. А ты, Эд, — много раз! — почти кричит Анна и вскакивает со стула. — Да, я получила первую группу инвалидности как

шиза, но мне было 19 лет, и меня бросил этот сукин сын — мой первый муж. Когда тебе 19 лет, то ты еще доверяешь людям! — Анна Моисеевна, бросив агрессивный взгляд на насторожившееся козье племя, садится.

— Черт с ним, с Ивановым... — успокаивает их Генка. — Давайте выпьем за вас, Анна Моисеевна, и за вас, Эдуард Вениаминович, за ваше содружество. Да будет оно долгим и прочным!

— За наше сожителство! За наш незаконный брак! — смеется Анна. — За нашу ситуацию! Ты знаешь, Генулик, когда молодой негодяй уже жил со мной в моей комнате, но мы делали вид, что он со мной не живет... Я громко хлопала дверью на ночь, обманывая мою бедную мамочку... Так вот, тогда моя тетка Гинда предложила нам поселить в маленькую комнату двух квартиранток-девочек, дабы улучшить наше материальное положение. Интеллигентная Циля Яковлевна не могла признаться сестре своего умершего любимого мужа, что ее дочь держит в комнате мальчишку на семь лет моложе ее и спит с ним. «Ах, Гинда, у нас в доме такая ситуация!» — только и сказала моя мама. Бедная моя мама! Как ей не повезло в жизни. Папа Моисей умер от инфаркта, у дочери никак не складывается личная жизнь...

— Зато вторая дочь замужем за директором фабрики. Живет в Киеве, на главной улице — на Крещатике, в буржуазной большой квартире. О таком зяте, как Теодор, можно только мечтать. Директор фабрики...

— Сестрица порядочная, даже тошно, — соглашается Анна Моисеевна, поедая малосольный огурец, — но моя племянница Стелка — блядь. И обещает быть еще более ужасной блядью. Она уже сейчас не пропускает ни одного мужика. Генулик, у этой долговязой Стелки по пачке хуев в каждом глазу... Первый аборт девчонка сделала в 14 лет!.. Да я лишилась невинности только в восемнадцать...

Генка хохочет.

— Другие времена — другие нравы, Анна Моисеевна!
— «О, Лотрек, ведь тебе никогда не достать до педа-
лей!» — вдруг скандирует Анна. — «О, Лотрек... все ли бары
ты нынче облазил... Всех ли баб перелапал?» — Анна замол-
кает, как обычно, потеряв следующие строчки.

— Это чьи? — спрашивает Генка с уважением, он счи-
тает Анну интеллигентной и начитанной женщиной.

— Милославский. Из ранних стихов, — морщится
Эд. — Юра позирует, французит и гнусавит. Блатную роман-
тику парижской жизни в кафе и ателье разводит. Лотрек...

— «А еще я запомнил, как те Магдалины все латали
шинели рябому Христу...» — Нахально глядя на «супруга»,
Анна опять читает Милославского. И, разумеется, не по-
мнит последующих строчек. — «Три бандита с Афродитой
у костра!» — выдавливают она и замолкает.

Анькина память заполнена обрывками стихов, песен,
когда-то услышанными или прочитанными умными фра-
зами, изречениями философов и писателей. Время от вре-
мени Анна извлекает на свет божий обрывок: линию, строчку,
фрагмент — и украшает ими свои монологи, которые она
произносит при всяком удобном случае. Когда они только
познакомились, юноше с харьковской окраины, только что
уволившемуся по собственному желанию из литейного цеха
завода «Серп и Молот», эрудиция Анны Моисеевны каза-
лась вершиной интеллигентности. Сейчас Эдуард, ставший
Лимоновым, подсмеивается над Анькиными «потоками со-
знания». Он затягивает нараспев, подражая напыщенному
романтизму, с каким, так ему кажется, Анна читает стихи:

Подайте мне женщину синюю-синюю,
Я проведу на спине у ней линию
И на той линии буду женат...
Ах, мне бы не надо бы с нею женатиться,
Лучше с котами на крыше лунатиться...

— Замолчи, подлый Савенко! — кричит Анна. — Не коверкай стихи моего друга Бурича. Ты еще не дорос до их понимания!

— Плохой поэт, — безжалостно констатирует Лимонов. — Я, Генка, долгое время считал, что Бурич — хороший поэт, во всяком случае, оригинальный, и вдруг — попадаете мне в руки книжка польского поэта Ружеви́ча. И что же я вижу, Генка?! Манера Ружеви́ча как две капли воды похожа на манеру Бурича! А! Как это называется? Плагиат! Особенно если учесть, что Бурич и его жена делают деньги, переводя польских поэтов!

— Бурич прекрасный поэт! — Глаза Анны с неуверенной ненавистью упираются в «супруга». — Именно потому Вову Бурича так мало и неохотно печатают.

— «Вову...» — фыркает «супруг». — Да он, говорят, уже лысый, как колено. Вагрич видел его в Москве, твоего Вовика. Толстый, обожравшийся жлоб. Буржуа от литературы.

— Неправда! Бурич очень красивый. Кудри — как у Аполлона... Бах, наверное, ошибся, и это был не Бурич...

— Как же, ошибся... Он это был — Аполлон, друг твоего мужа — гения из Симферополя...

— Они все были очень талантливые, Генка. Не слушай молодого негодяя. Талантливые и необыкновенно интеллигентные. Они все знали. Они все время читали. Они были образованнее вас...

— Талант не имеет ничего общего с образованием, — морщится Эд.

Эдуард ревнует Анну к ее поколению. К бывшему мужу — режиссеру телевидения, к друзьям мужа, перебравшимся в Москву, — поэту Буричу, кинокритику Мирону Черненко, к художнику Брусиловскому. Для харьковских юношей возраста Эда, для богемы и декадентов, по несколько раз в день приходящих в «Автомат» выпить чашечку кофе, Москва, как для чеховских трех сестер,

горит впереди манящим ослепительным светом, символом успеха и победы. Из сверстников Анны особенно знаменит художник Брусиловский. Вагрич Бахчанян отзывается о работах Брусиловского с почтением. Брусиловский давно уже выставляется и на международных выставках, и время от времени репродукции его вещей печатают западные журналы. Меньше всех добился бывший муж Анны, он и живет не в Москве, но в Симферополе. Эдуард очень хочет в Москву, потому и примеривает предыдущее поколение (они на десять-пятнадцать лет старше) на себя. Примеривает, оспаривает и высмеивает Анькино прошлое во имя ее настоящего с ним, Эдуардом Лимоновым.

Солнце вдруг скатывается с крыши «харчевни» прямо на стол, и деревянный, отскобленный, много раз мытый, уставленный тарелками с закусками, сосудами с водкой и лимонадом стол вдруг вспыхивает. Очень красивый у них стол, читатель. Салат из красных, как кровь, украинских помидоров и нежно-зеленых огурцов, на которых каплями вспыхивает подсолнечное масло, много раз преломившееся в фужерах и граненых стаканах солнце, много солнца, мессиво солнца на столе. Загорелые темные руки поэта, руки Анны, ее ногти, как всегда покрытые необыкновенным лиловым лаком, Генкина красивая рука, обхватившая стебель фужера... Камень в Генкиной запонке, вдруг поймав в себя солнце, испускает тонкий красный луч.

— Камень настоящий? — Анна хватая Генку за руку. В голосе ее уважение.

— Какой там! — Генка смеется. — Фальшивый. Но модно. Настоящий я бы давно заложил.

— Ох, Генулик... Сергей Сергеевич когда-нибудь получит разрыв сердца из-за тебя.

— Пустяки, Анна. У папы много денег. И потом он мне кое-что должен в этой жизни...

4

Эдуард Савенко познакомился с Анной Моисеевной Рубинштейн осенью 1964 года. Познакомил их Борька Чурилов. Эдуарду был 21 год, и он только что уволился с завода «Серп и Молот», где проработал вместе с Чуриловым в литейном цехе целых полтора года. Коротко остриженный, загорелый, мордатый рабочий парень, щурившийся, скрывая сильную близорукость, искал работу, и ангел-хранитель Борька привел его в магазин «Поэзия», где нужен был книгоноша. Красивая, седая в 27 лет, там, поцокивая острыми металлическими каблуками и любопытно вспыхивая голубыми с фиолетинкой глазами, расхаживала Анна Моисеевна. А должность книгоноши уже была занята.

Проще всего было бы объяснить их сближение тем, что рабочему парню была нужна мама. Но примитивный фрейдизм в данном случае не выдерживает никакой критики в применении к такой своевольной и полностью самостоятельной личности, как Эдуард Савенко. И Анна Моисеевна Рубинштейн, безумная, эксцентричная и вулканическая женщина, неспособна была быть кому бы то ни было мамой. Посему напрашивается взамен фрейдистского скорее объяснение социально-психологическое. А именно: Эдуарду Савенко нужна была среда. И люди, среди которых жила Анна Моисеевна, ему подходили. К двадцати одному году, побывав вором, взломщиком, литейщиком, монтажником-высотником, грузчиком, пропутешествовав по кымам, кавказам и азиям, иной раз начиная писать стихи и бросая писать стихи, он так и не нашел себя. Он не знал, кто он.

В литейном цехе он хорошо зарабатывал, и портрет его висел на Доске Почета. У него было шесть костюмов, три пальто, и каждую субботу он аккуратно выпивал восемьсот

грамм коньяка в ресторане «Кристалл» в компании друзей — молодых рабочих и девушек. С сыном директора «Кристалла» Генуликом, разумеется, он тогда знаком не был. Девушки с соседнего участка, лепившие из парафина литейные формы, называли нашего героя «раб» за непонятную старательность и приверженность к тяжелой и грязной, в три смены, работе обрубщика. Напарник по обрубке, пятидесятилетний жлоб дядя Сережа, похожий на краба, считал Эдуарда чокнутым, но трудолюбивым парнем и называл его «Ендик». В один прекрасный день «Ендик», к полной неожиданности дяди Сережи и всей комплексной бригады литейщиков (он работал тогда уже завальщиком шихты в печи), подал на расчет. Ему стало скучно. Ему надоело.

Истинная причина, так никогда никому и не ставшая известной (а у всякого события, кроме явной, всегда есть истинная — тайная причина), заключалась в том, что весной 1964 года Эдуард познакомился с неким Михаилом Кописсаровым, уже разыскиваемым всеми уголовными розысками Страны Советов за крупные мошенничества в сфере кредитных операций. Маленький гениальный еврей, недоучившийся в Горном институте, бежал в Харьков из Донбасса, где он вот уже несколько лет работал мастером на шахте. Кроме этого, он еще работал главой организованной им банды махинаторов. Мишка явился в Харьков вместе с напарником Виктором, всю остальную банду арестовали. В Харькове у Мишки была семья — мать, отец и брат Юрка — честные труженики уже известного нам завода «Серп и Молот». Стоя у обоссанного забора, перепуганный Юрка познакомил Эда с братом-преступником. Мишка Эдуарду понравился. Мишка был маленький, веселый, носил усы и имел замашки миллионера. Из Донецка он, например, каждую неделю летал в Москву стричься.

Деньги у Мишки были. Ему нужны были два паспорта. Для себя и напарника Витьки. И наш герой, вспомнив

свое преступное прошлое, потряхнул стариной — помог Мишке достать паспорта, связал его с ребятами из общежития «Серпа и Молота». Ребята «нашли» Мишке паспорта по 35 рублей штука — украли у других ребят в том же общежитии.

Мишка осел в Харькове и развернул кредитные операции. Каждый день Мишка и Витька выходили из гостиницы «Красная звезда», находившейся на улице Свердлова, там они жили в соседстве с майорами и капитанами, гостиница была военная; отправлялись в набег на харьковские магазины. По украденным паспортам и поддельным справкам с места работы они «брали в кредит» вороха золотых часов, ювелирных изделий, дорогих отрезков на костюмы и пальто, даже телевизоры. Все эти блага цивилизации доставались мошенникам за менее чем четверть цены, а сбывали они их оптом по подпольным каналам. Однажды Эд, много раз приглашенный Мишкой в рестораны, желая отблагодарить его, представил Мишку знакомым восточным людям с Конного рынка, и те купили у Мишки большую партию товара. В другой раз любопытный рабочий Савенко, в ту неделю он был на третьей смене, несколько раз протаскался вместе с мошенниками по ювелирным магазинам, наблюдая, как Мишка и Витька работают.

Даже законопослушные люди бывают очень нервными. Что же ожидать от преступников, у которых такая нервная работа. Вскоре Мишка и Витька разругались и подрались. И навсегда расстались. Драка происходила в гостинице «Красная звезда», и во время драки напарники метали друг в друга отрезки и ювелирные изделия, вызывая ужас осторожного честного Юрки и беспокойство менее осторожного рабочего Эдуарда.

Через несколько дней Мишка пригласил Эдуарда в ресторан и в конце обеда, за коньяком, закурив сигару, официально, тоном гангстера из западных фильмов, предложил

ему работать с ним. Страхивая пепел, Мишка вынимал из карманов небрежно смятые горсти двадцатипятирублевков, расплавился и одновременно рисовал Эдуарду заманчивые перспективы их совместной «работы» в Одессе, Киеве и Симферополе.

— А потом, Эд, мы со всем добром (но будем специализироваться только по ювелирным изделиям) двинем на Кавказ и продадим там все сами. Здесь, в Харькове, нам приходится отдавать товар чучмекам за полцены, там мы продадим его по настоящим ценам. А, Эд?..

Когда вам 21 год, читатель, и вам предлагают деньги и путешествия, ну как тут устоишь? Эдуард, которому осточертела бесперспективная работа в горячем цеху, согласился.

Мишка решил отправиться вначале в Одессу. В Харькове, основательно попотрошенном за лето Витькой и Мишкой, оставаться было уже опасно. Поводом к разрыву между напарниками послужило, увы, реальное опасное происшествие, при котором присутствовал, так случилось, наш герой. Мишка (он утверждал, что зав. кредитным отделом большого универмага поняла, что фотография на паспорте переклеена, а может быть, у него просто сдали нервы) бежал из универмага, опрокидывая народ. За ним бежали Витька и Эдуард. Но Мишка оставил в руках врага украденный в общежитии паспорт и свою фотографию! Мишка хотел убраться из Харькова немедленно.

Эдуард обрадовался возможности мгновенно изменить жизнь и сказал, что готов к отъезду хоть сегодня.

— Нет, — уперся вдруг Мишка, — рассчитайся с работы как положено. Напиши сегодня заявление и проработай положенные двенадцать дней. Хотя бы один из нас должен иметь паспорт, к которому не приебешься. Прописка, все штампы на месте чтоб были.

Эдуард недовольно надулся.

— Послушай старшего и опытного товарища, — сказал Мишка. — Никогда не делай ничего нелегально, если возможно достичь того же легальным путем... Я поеду в Одессу и отдохну там пока, «работать» не буду. Через двенадцать дней ты ко мне присоединишься. Как только устроишь, дам тебе телеграмму с адресом в Одессе... Между прочим, у тебя нет знакомого боевого парня, готового поехать со мной? Я плачу, разумеется. Ему незачем знать о наших делах. Мне нужен телохранитель.

О, у Мишки Кописсарова был размах! Парня Эдуард ему нашел, здоровенный спортсмен Толик Лысенко уехал с Мишкой в Одессу в тот же вечер. Эдуард подал заявление на расчет и стал ждать...

Прошли двенадцать дней, начальник цеха два часа угваривал «раба» не увольняться, но, наткнувшись на каменную решимость, выругался и подписал расчет. Эдуард получил расчетные деньги, а телеграммы от Мишки все не было. «Неужели он меня обманул?.. — уныло размышлял Эдуард. — Но так зло как будто бы не шутят...» «Рабу» хотелось новой необыкновенной жизни, детская мечта о том, чтобы сделаться большим преступником, казалось, была так близка наконец, и вот...

Через три недели после Мишкиного отъезда в дверь семьи Савенко постучали. Эдуард открыл. Перепуганный и виноватый Толик Лысенко стоял за дверью.

— Идем, нужно поговорить, Эд!

Они вышли и побрели на пустырь. Толик все время оглядывался. Усевшись на штабель теплых кирпичей, Толик поведал ему одесскую историю.

Поначалу все было очень хорошо. Дав взятку, Мишка и Толик устроились в самое безопасное место, в санаторий КГБ! Играли в теннис, загорали, купались... Мишку заложила бывшая подружка, актриса театра оперетты. Она увидела Мишку случайно на Дерibasовской, узнала,

окликнула и согласилась прийти на свидание. На месте свидания Мишку взяли. Актриса, оказывается, знала, что его разыскивает уголовный розыск, к ней приходили еще весной, спрашивали о Мишке... О, женщины... Мишка чем-то остался виноват перед актрисой. Бросил ее, что ли, когда-то...

Верный своему образу мошенника с размахом, Мишка, которого должны были везти в Донецк, на место совершения преступлений, чтобы там расследовать и судить, закупил на наличные себе и двум агентам отдельное купе в первом классе и всю дорогу пьянствовал с ними. Агенты не возражали, ибо Мишкины деньги все равно должны были достаться государству, то есть никому.

С месяц Эдуард жил тревожно. Несмотря на многолетнее знакомство и как будто вполне правдоподобные объяснения Толика Лысенко, почему его не арестовали вместе с Мишкой, Эдуард допускал возможность того, что Толик заложил Мишку. Все предают всех, и чужая душа — потемки. Или Мишка мог расколоться на следствии и впутать в дело его и Толика. Но Мишка не раскололся и даже Витьку не выдал. Он даже умудрился скрыть от мусоров свой харьковский период. Только за «работу» в Донецком бассейне ему вlepили девять лет строгого режима. Имя Михаила Кописсарова, впервые ограбившего Советское государство в сфере кредитных операций, возможно обнаружить в советских учебниках по криминологии. Что касается нашего героя, то он, как видите, второй раз (первый в 1962 году, когда мать упростила его отправиться вместе с ней на день рождения к тете Кате, и Костя Бондаренко, Юрка Бембель и Славка Суворовец, зайдя за ним, не застали его дома и отправились на дело без него) чудеснейшим образом спасся от тюрьмы.

Борька Чурилов все же устроил своего неизменного протеже в книгоноши. В магазин № 41, отколовшееся от магазина «Поэзия» звено. Заведующая Лиля — маленькая злая блондинка, которую Анна окрестила «фашисткой», — взяла «мальчика» с удовольствием. В магазине работали только «девочки». Лилия, Флора и Задохлик в изношенной шубе.

Каждое утро он прибывал на трамвае с Салтовского поселка. Каждое утро происходила операция записывания книг, которые он с собой понесет на то место, где, разложив их на раскладном столе, будет их продавать. После переписи книг совершалась операция заворачивания книг в стопки. На первых порах, обучая его, ему разрешили торговать на Сумской улице, у самых дверей магазина № 41. Позднее он торговал в фойе кинотеатра «Комсомольский» или в других столь же людных местах.

Профессия книгоноши представляет из себя нечто вроде профессии коробейника или продавца бубликов. Книгоноша получает мизерное жалованье, но имеет право на определенные проценты с продажи книг. Самым выдающимся книгоношей Харькова, к моменту вступления Эдуарда Савенко в должность, считался по праву бывший железнодорожник Игорь Иосифович Ковальчук, работавший попеременно для всех книжных магазинов города. Ни в начале своей карьеры книгоноши, ни в конце ее Эдуард Савенко, разумеется, не мог сравниться с Игорем Иосифовичем в продуктивности. Игоря Иосифовича нанимали, чтобы спасти план. Его переманивали и подкупали. Потому что Игорь Иосифович мог продать любую книгу. Обыкновенно он раскидывал свои несколько столов в центре площади Тевелева и, как восточный купец, вздымая к небу книгу, расхваливал хриплым

голосом свой товар: «А вот история ужасающего античного преступления! Борьба белой и черной магии!» Проходить трудно было устоять против такого зова. У лотков Игоря Иосифовича всегда толпился народ. История же ужасающего античного преступления была всего-навсего завалившимся на складе скучнейшим томом из серии «Сокровища мировой литературы», выпущенным издательством «Академия Наук».

«Эд», как его называла Анна до появления в обиходе фамилии «Лимонов», стеснялся. Он робко топтался за своим столом, уложенным книгами. Иногда столов бывало два. Эд топтался и большей частью молчал или улыбался застенчиво. Несмотря на опасную бритву, часто населявшую нагрудный карман книгоноши, книгоноша сорок первого магазина не был наглым юношей. Иногда в подкрепление ему Лиля высылала «Задохлика» — худое существо женского пола, всегда закутанное в облезлую старую шубу. Нос у «Задохлика» все время мерз и, длинный, был на кончике синеватого цвета.

Эдуард Савенко зарабатывал мало. Точнее сказать, почти ничего. Однако скоростными темпами совершалась в октябре, ноябре, декабре трансформация полупреступного рабочего парня в кого-то иного, еще не совсем понятно в кого, но как минимум он переходил все эти холодные месяцы в другой социальный класс. Читатель представляет себе, как нелегко такой процесс. Иногда для подобного перехода требуются усилия нескольких поколений!

Всякий вечер книгоноша торопился приволочь и сдать пачки книг и столы в магазин № 41. Так пчела спешит в улей, птица — в гнездо, легкий самолет — к авиаматке. Книгоноша очень спешил — его ждало на свидание будущее, спрятавшееся в аллеях парка Шевченко, в «закусочной-автомате» на Сумской, в немногих харьковских комнатах. Будущее пряталось в вечерние городские сумерки,